

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ.

торые плохо уживаются со всякой казенщиной и рутинной, со всякими тесными рамками. С одной стороны, мне грустно за Вас, потому что таким натурам всегда живется на этом сером свете куда нелегко, а с другой... Скажу словами Лермонтова:

*«Такие души я любил давно
Отыскивать по миру на свободе,
И сам я был немножко в этом роде!»*

Вы жаждете жизни, простора, деятельности; Вы способны к увлечению, энтузиазму, порыву... Все это такие симпатичные мне черты, что у меня язык не пошевелился бы читать Вам мораль... Но все же мне приходится Вам сказать, что в жизни нужна некоторая «дисциплина», как говорится, узда на себя, чтоб не совсем «заезертеться», как Вы выражаетесь, в житейском водовороте. Понимаю, что Вы скучаете в этой обстановке, Вам не с кем поделиться Вашими заветными помыслами и чувствами, и потому понятно, что Вас тянет отсюда... Как ни плохи курсы¹, но все же Вам будет здесь гораздо лучше; провинциальная жизнь уж очень мелка, монотонна, узка. По крайней мере, вне курсов Вы здесь найдете людей более живых и способных отнестись к Вам сочувственно. Наконец, у Вас будут подружки на самих курсах, которых сила необходимости заставляет, как и Вас, поступить туда, но которые не способны мириться с казенщиной, иссушить себя за славянской грамматикой и вообще ограничиться только тем, что дают курсы...

Вы пишете, что, может быть, идете вразрез с современным взглядом, предпочитая идеалистов нынешним

но все же надо стараться от этого отделаться, иначе это может у Вас остаться, привиться к Вашей природе, войти в привычку.

Вот и меня тоже Вы ставите на какой-то пьедестал. Почему? Зачем? Верьте мне, что когда Вы меня встретите, то горько разочаруетесь — и найдете во мне самого обыкновенного, заурядного человека, а никак не «учителя». По тому, что человек пишет в минуты внутреннего просветления, под влиянием известного порыва, нельзя еще заключать, что он в жизни — идеальное существо. Все мы люди, все человеки. Во всех нас есть порядочная доля эгоизма, и все мы часто действуем далеко не так, как бы желали, как бы следовало нам действовать.

В одном только я бы хотел, чтоб Вы не сомневались, моя дорогая, — это в искреннем моем участии к Вам, в желании быть Вам чем-нибудь полезным; а хватит ли у меня на это умения — я и сам не знаю... Спасибо за фиалку. Прощайте же пока, моя хорошая.

Милая, дорогая Маруся... Не знаю, почему у меня вдруг напислось Маруся... Вы, пожалуй, рассердитесь на меня за это, но возраст мой такой, что Вы не должны сердиться... Вы такое милое, славное, доброе дитя, что как-то не хочется называть Вас по имени и отчеству и как-то не идет к Вам церемонное «Марья Ивановна». Впрочем, если это Вам не нравится — скажите мне искренно, без всяких церемоний, и я перестану...

Вы пишете мне, что Вам горько видеть, как пошлость сейчас же начинает эксплуатировать великие изображения. Да, это явление очень прискорбное, Вы правы. И это всегда было и будет. Но в этом случае можно утешиться тем, что великое изображение все-таки не пострадает от этого и свое великое дело сделает...

Совершенно внезапно очутился я очень далеко — именно в Пензенской губернии, куда меня вызвали по телеграфу по случаю смерти одного моего родственника... Но это целая история, которую подробно расскажу при свидании. А

теперь скажу только, что родственник мой был очень, очень богат и всегда говорил, когда приезжал к нам, что мы его единственные наследники... Если только это сбудется и я действительно окажусь обладателем такого состояния, то я не только буду вполне обеспечен со всем своим семейством, но буду иметь возможность быть полезным и другим².

Все это я пишу Вам, бесценная Маруся, потому что глубоко уверен в Вашем сочувствии, в Вашей дружбе, хотя мы с Вами никогда не виделись... Говорю Вам заранее, милая Маруся, что если все это сбудется, то Вам нечего беспокоиться относительно окончания курса. Мы с Вами не должны смотреть на деньги, как смотрит на них толпа. Наши убеждения на этот счет должны быть таковы: у кого много денег, тот нравственно обязан делиться с теми, у кого их нет или мало. Наших с Вами отношений не могут испортить деньги. Деньги — как деньги — мы с Вами презираем, и можем любить их только как средство помочь ближнему, облегчить его страдания; не так ли, моя дорогая?

Но это на будущее — вернемся к настоящему. Как я рад, что Вы хотите взяться за прозу и что моя мысль созпала с Вашей. Попытайтесь, друг мой. Я с величайшим наслаждением, с полной готовностью буду в этом случае — как и во всех других — помогать Вам по мере сил и своими указаниями, своими советами. Не бойтесь тенденциозности. Не такая уж это дурная вещь, которой нужно избегать во что бы то ни стало. Ваше художественное, поэтическое чувство само подскажет Вам, что можно и чего нельзя. Прежде всего старайтесь быть правдивы. Изучайте жизнь, характеры, наблюдайте больше. Правда так неутошительна, так горька, что, описывая ее, волей-неволей будешь тенденциозен. Никак не убеждайтесь от того, чтоб в произведении не сказались твои симпатии и антипатии, а это уже достаточный повод для того, чтоб поклонники чистого искусства обвинили тебя в тенденциозности. Я бы, признаться, даже невысокого мнения был о молодом авторе, первое произведение которого было бы «индифферентно». По-моему, чисто художественные вещи, бестенденциозные и тенденциозные, имеют одинаковое право существовать, лишь бы они были правдивы, жизненны. И только такой тенденциозности надо избегать, когда автор для того, чтоб «доказать» что-нибудь («доказывать» вообще не дело художественного произведения), насилует правду, одно старается украсить, идеализировать, другое втоптать в грязь, сгущает краски, где ему это нужно для его цели, так что выходит не жизнь, а фальшь, преднамеренное искажение истины ради идеи, которой он задался, хотя бы даже эта идея была симпатична.

Впрочем, об этом нечего рассуждать заранее. Когда у Вас что-нибудь напишется или мы что-нибудь прочтем вместе, то мы с Вами еще коснемся этого вопроса... Спасибо, моя дорогая, за дозволение называть Вас Марусей. Крепко, крепко жму и целую руку, пишущую мне такие хорошие, добрые письма. До скорого свидания, мой добрый, мой милый, мой дорогой друг. Ваш душевно А. П.

Предисловие и публикация Михаила ФИЛИНА, научного сотрудника ЦГАЛИ СССР

«ТАКИЕ ДУШИ Я ЛЮБИЛ ДАВНО...»

ПИСЬМА А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

Минуло 90 лет со дня смерти видного поэта-революционера Алексея Николаевича Плещеева (1825—1893). Судьба, полная драматизма, была предначертана ему.

Поэтические успехи двадцатилетнего юноши предавали громкую славу, но в 1849 году в связи с делом петрашевцев на десять долгих лет имя Плещеева исчезает со страниц русских журналов.

После возвращения из ссылки он вновь на переднем крае литературной борьбы, в демократическом лагере.

Гражданскими мотивами пронизана его поэзия и публицистика. Стихотворения «Вперед! Без страха и сомненья» и «По чувствам братья мы с тобой» стали популярными революционными песнями. Неизменно высок его авторитет у передовой русской молодежи.

Родившийся в год восстания декабристов, Плещеев для молодой России являлся как бы символом революционера уходящей эпохи.

И молодежь тянулась к этому седовласому старцу, который был не только литературным наставником и учителем, но и просто задушевным собеседником, живой памятью прошедших дней.

Так пришла и Плещееву в конце 1888 года и Мария Ивановна Ларионова. Нет, юная провинциалка не позвонила в дверь скромной петербургской квартиры на Спасской улице и не подошла к писателю в театре, которым он так увлекался. Но письмо, присланное девушкой из Саратова, глубоко взволновало Плещеева своей искренностью. Он ответил, завязалась оживленная переписка, своеобразный диалог поколений. С одной стороны — исповедь, поиск ответов на «проклятые вопросы», неуемная жажда деятельности; с другой — трогательная отеческая забота, окрашенная в элигические тона.

В письмах Плещеева нет ни тени резонерства. Это скорее спокойная мудрость человека, немало вынесшего на жизненном пути. В юной, еще не окрепшей душе он нашел единомышленника, верного друга последних лет жизни.

Письма А. Н. Плещеева и М. И. Ларионовой находятся в настоящее время в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) СССР, в фонде поэта. Сегодня мы имеем возможность познакомиться читателем с отдельными фрагментами этого интересного эпистолярного комплекса, относящимися к 1889—1890 годам.

Милая Марья Ивановна! Простите меня, что не отозвался до сих пор на Ваше хорошее письмо, и верьте, что это не от равнодушия или нежелания... Мне бы очень больно было, если б Вы заподозрили меня в безучастии к Вашей судьбе. Не знаю, известно ли Вам, что я заведу в одном из петербургских журналов («Северный Вестник») отделом беллетристики, и потому мне приходится просматривать массу рукописей. В настоящую минуту их накопилось особенно много; кроме того, я сам составляю одну статью для журнала, что также отняло у меня с неделю времени; на праздниках я несколько предался «лености и праздности», так что запустил работу, и теперь надо было наверстать потерянное время... А мне ужасно хотелось ответить сейчас же, сию минуту по получении Вашего письма. Очень оно подкупило меня своей искренностью, своей душевностью. Спасибо Вам большое за Ваше доверие ко мне, за то, что Вы признаете меня стоящим этого доверия (мне кажется, по крайней мере, что не всякому Вы написали бы то, что написали мне. Письмо Ваше нечто вроде Вашей душевной исповеди). Я очень понимаю Ваше положение, очень Вам сочувствую, верьте мне. Вижу, что Вы из тех натур, ко-

практическим людям, юным карьеристам, ведущим себя «тихо, смиренно, благородно» и делающим все «в меру». И прибавляете: «Господи! До чего я договорилась!» То, до чего Вы договорились, показывает только, что в Вас горит тот огонек, который спасает человека от пошлости и возвышает душу его. Дай бог, чтоб он никогда не угас, и чтоб сердца Ваше всегда оставалось таким же чистым, правдивым и любящим. Берегите его...

Сегодня послал Вам книжку своих стихов, Марья Ивановна, и ей-богу не знаю, за что Вы меня так благодарите. Я всегда очень счастлив, когда могу подарить ее тем, в ком надеюсь встретить сочувствие и кто любит поэзию. А мне почему-то сдается, что Вы должны любить ее, хотя у нас с Вами и не заходила об этом речь. И сдается мне также, что Вы сочувственно отнесетесь к моим стихам, хотя опять-таки не знаю и сам почему. Очень уж много теплоты и душевности в Ваших письмах, очень уж в них сквозит поэтическая натура...

Коротенькая записочка, в которой Вы меня извещали о своем отъезде, показалась мне несколько сухой и холодной, и это меня огорчило. Но я винил в этом самого себя. Я не ответил Вам на то хорошее, милое, теплое письмо, где Вы писали мне о получении моей книги, о Вашей любви к поэзии, и где было приведено маленькое стихотворение «Дайте мне жизни», стихотворение такое искреннее, полное такой молодой горячности (скажите мне — ведь оно Ваше? Я не помню, чтоб я где-нибудь встречал его). По получении его я хотел тотчас же ответить Вам, но мне помешали; а потом мое каторжное журнальное дело не дало мне целую неделю приняться за этот ответ, хотя я каждый день собирался писать. И я понимаю, что Вы могли на меня рассердиться. Не ответить на такое письмо — значит, обнаружить большую душевную сухость. Но верьте мне, что это произошло вовсе не от нежелания... Напротив, я скажу Вам совершенно искренно, что будь я молодой человек, я бы способен был влюбиться в Вас по Вашим письмам — такая сквозит в каждой их строчке Ваша хорошая, симпатичная, честная натура: столько в ней свежести, юношеского пыла, доброты и правдивости!

Последнее Ваше письмо рассеяло мои опасения, и я Вас тысячу раз благодарю за него всем сердцем и всей душой; и также благодарю Вас за карточку, на которую часто смотрю. А я Вас воображал совсем не такой... Право, Вы на карточке ужасно серьезная, почти строгая, почти суровая. Не знаю почему, но я ждал более веселого, жизнерадостного выражения. Хотя я и знаю, что Вам пришлось вынести много горя, но думаю, что, несмотря на это, жизненность, энергия, которые бьют ключом в некоторых письмах Ваших, составляют доминирующий характер Вашей физиономии. Мне и теперь кажется, что это должно быть так и что Вы только на фотографии вышли такой. Но все-таки эта карточка хорошая, и я еще раз благодарю за нее и крепко, крепко жму Вашу руку.

По приезде нашел Ваше большое письмо — даже скорее не письмо, а дневник, за который душевно благодарю Вас... Вообще, Вы «экзальтированная» девушка и смотрите на жизнь сквозь призму Ваших мечтаний, и я боюсь за Вас в этом отношении. Много придется Вам испытать разных разуверений, когда Вы столкнетесь с действительностью. Есть у Вас также маленькое пристрастие к «фразе». Я понимаю, что это не комедия, не напускное фразерство; что это у Вас теперь искренно и происходит от той же Вашей экзальтации,

¹ Неточная цитата из «Сказки для детей» М. Ю. Лермонтова.

² В 1839 г. было разрешено возобновить прием на петербургские Высшие женские курсы, закрытые за три года до этого. Именно туда и стремилась поступить М. И. Ларионова.

³ Во владение наследством Плещеев вступил в конце 1890 г.